

DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.043
УДК 94(620)“1914/1918”

С. А. Шерстюков

Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

ГЕРМАНСКАЯ И ОСМАНСКАЯ ПРОПАГАНДА В ЕГИПТЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Целью статьи является исследование военных и пропагандистских усилий османов и немцев, направленных на подготовку восстания в Египте в годы Первой мировой войны. Исследование основано на анализе документов Генерального консульства России в Каире из Архива внешней политики Российской империи, а также опубликованных документов из немецких архивов. Обратившись к данным источникам, автор попытался проанализировать не только институциональные, но и неинституциональные аспекты немецкой и османской пропаганды в Египте, в частности слухи. Данная тема пока не становилась предметом исследования в российской исторической литературе, между тем ее изучение позволяет лучше понять то, какие усилия приложили османы и немцы для пропаганды джихада в разных частях мусульманского мира и с какими трудностями при этом сталкивались.

Немецкое верховное командование рассчитывало, что использование новых транспортных и коммуникационных технологий поможет осуществить стратегию восстания. Однако новые технологии не устранили структурные проблемы, с которыми столкнулась немецкая пропаганда в Египте и других мусульманских колониях стран Антанты. Хотя многие египтяне сочувствовали военным усилиям османов и немцев, большинство из них хотели остаться в стороне от конфликта. Индикатором общественных настроений в Египте являлись слухи, выполнявшие множество разных функций. Попытка Германии в союзе с Османской империей вызвать восстание в Египте (и в других частях мусульманского мира) оказалась безуспешной, но идеи о силе панисламизма и возможности инструментализации ислама пережили Первую мировую войну.

Ключевые слова: Египет; Первая мировая война; пропаганда; Германская империя; Османская империя; слухи

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00052 «Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке: от Германской империи к Третьей империи (1914–1945)».

Цитирование: *Шерстюков С. А.* Германская и османская пропаганда в Египте в годы Первой мировой войны. DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.043 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 43–57.

Поступила в редакцию: 23.05.2019

Принята к печати: 29.06.2020

Sergey A. Sherstyukov

Altai State University
Barnaul, Russia

GERMAN AND OTTOMAN PROPAGANDA IN EGYPT DURING WORLD WAR I

This article analyses German and Ottoman efforts made to promote a Muslim uprising in Egypt in World War I through intelligence and propaganda operations. The article refers to documents of the Russian Consulate General in Cairo from the Archives of Foreign Policy of the Russian Empire as well as published documents from German archives. Turning to the said sources, the author makes an attempt at analysing both institutional and non-institutional aspects of German and Ottoman propaganda in Egypt and, more particularly, rumours. The topic has not been studied previously in Russian historical literature. However, it may help understand the effort taken by Ottomans and Germans to promote Jihad in different parts of the Muslim world and the difficulties they faced while doing so.

The German Supreme Command hoped that the use of new transport and communication technologies would help implement the rebellion strategy in the Muslim world. However, new technologies did not solve the structural problems that German propaganda faced in Egypt and other Muslim colonies of the Entente. Even though many Egyptians were sympathetic to the military efforts of the Ottomans and Germans, the majority of them wanted to abstain from getting involved in the conflict. Rumours were an indicator of the events taking place in Egypt and had many different functions. Germany's attempt to cause an uprising in Egypt (and in other parts of the Muslim world) made jointly with the Ottoman Empire failed but the ideas of the power of pan-Islamism and the possibility to instrumentalise Islam outlasted World War I.

Key words: Egypt; World War I; propaganda; German Empire; Ottoman Empire; rumours

Acknowledgements

The work is funded by the *Russian Foundation for Basic Research* within the framework of the scholarly project 18-39-00052 “German Propaganda in the Middle East: From the German Empire to the Third Reich (1914–1945)”.

For citation: Sherstyukov, S. A. (2020). Germanskaia i osmanskaia propaganda v Egipte v gody Pervoi mirovoi voiny [German and Ottoman Propaganda in Egypt during World War I]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 3 (200), 43–57. doi: 10.15826/izv2.2020.22.3.043

Submitted: 23.05.2019

Accepted: 29.06.2020

2 августа 1914 г. был подписан тайный договор между Османской и Германской империями, спустя три месяца, 30 октября 1914 г., Османская империя вступила в войну со странами Антанты на стороне Центральных держав. Вместе с Великобританией войну Османской империи объявило правительство Египта,

который с 1882 г. де-факто был протекторатом Великобритании. Это событие означало для египтян не только то, что их страна вовлекается в военное противостояние с Османской империей, но и то, что потенциально может возникнуть ситуация, в которой им придется выбирать между сохранением лояльности Великобритании и поддержкой османов. При всех сложностях османско-египетских отношений многим казалось очевидным, какой выбор сделают египтяне.

Хотя Египет занимал важное место в стратегии Берлина в годы Первой мировой войны, в западной историографии данной теме посвящено сравнительно небольшое число специальных исследований [Oberhaus, 2006; 2007]. Политика Германии в отношении Египта, как правило, рассматривалась в общих работах, посвященных немецкой и османской политике (и пропаганде) на Ближнем Востоке [Lüdke, 2005; McKale; Rogan], а также Первой мировой войне в регионе [Woodward]. Российские исследователи фокусировали свое внимание прежде всего на изучении военно-политической активности османов и немцев в годы Первой мировой войны в Индии, Иране, а также в Афганистане [Васильев; Панин]. В данной статье предпринимается попытка анализа пропагандистских усилий османов и немцев, направленных на революционизирование Египта в годы Первой мировой войны.

Османское наступление на Египет: военная мобилизация и исламский призыв

Историки, занимающиеся изучением Османской империи, рассматривают войну и запущенные ею процессы в другой, более длительной перспективе, не укладывающейся в принятые хронологические рамки Первой мировой войны. Отличие конфликта, в который вступила Османская империя в 1914 г., — в масштабе и уровне рисков. Младотурки понимали, что начавшаяся в 1914 г. война, в которую были втянуты все ведущие европейские державы, на протяжении предшествующих десятилетий превратившие Османскую империю в полуконию и существенно урезавшие ее границы, могла закончиться исчезновением всей империи.

Столкнувшись с возрастающим давлением европейских держав и ростом национализма среди христианских народов Османской империи, Абдулхамид II обратился к исламской политике в попытке защитить империю от внутренних и внешних угроз. Концепция халифата и титул халифа¹, который османские султаны носили с 1517 г., стали всё более активно использоваться как инструменты внешней политики и внутренней консолидации [Caesar, p. 264]. Младотурки, отстранившие от власти Абдулхамида II и во многом подорвавшие престиж султана-халифа в глазах мусульман не только в Османской империи, но и за ее пределами, не собирались отказываться от использования ислама, рассма-

---

¹ Подробнее об исламской концепции халифата и эволюции халифата как политического института см.: [Бартольд].

тривая его как важный мобилизационный ресурс и как несущую конструкцию империи, ядро которой в результате войн и переселений становилось все более однородным и все более мусульманским.

В европейской прессе, в дипломатических и научных кругах возникла дискуссия о халифате и, в частности, о праве халифа провозглашать джихад. С началом XX в. вопрос о халифате становится предметом англо-германского соперничества [Caesar, p. 264].

Европейские востоковеды, писатели и колониальные авантюристы коллективно готовили дискурс священной войны. В то же время накануне Первой мировой войны джихад уже утвердился в мусульманских националистических дискурсах как «народная война» против европейских / христианских колониальных противников. Таким образом, джихад, провозглашенный в ноябре 1914 г. Османской империей, не был чем-то неожиданным [Yenen].

После начала войны немецкое верховное командование утвердило стратегию, предполагавшую использование союза с Османской империей и объявленного османским халифом джихада для революционизирования находящихся под контролем стран Антанты частей мусульманского мира. Автором этой стратегии принято считать археолога и дипломата Макса фон Оппенгейма, который в октябре 1914 г. направил заместителю германского МИДа Артуру Циммерману меморандум «О революционизации исламских областей наших врагов». В действительности возможность организации восстаний в колониях как средство ведения войны с Великобританией обсуждалась в военных и дипломатических кругах Германской империи на протяжении довольно длительного времени.

В меморандуме Оппенгейма, который представлял собой рамочную программу для организации восстаний в мусульманском мире, были обобщены и систематизированы предложения, инициативы и уже начатые действия, ранее обсуждавшиеся в МИДе [Oberhaus, 2006, S. 39]. Оппенгейм писал о том, что для достижения победы Германии и союзных ей держав в мировой войне необходимо революционизировать прежде всего Египет и Индию.

В упомянутом документе Оппенгейм посвятил Египту целую главу. В ней он подробно описывал положение в этой стране и предлагал меры, которые необходимо предпринять для падения в ней власти британцев. Поскольку Оппенгейм был убежден во враждебности мусульманского населения Египта к Великобритании, одну из главных задач он видел в том, чтобы посредством пропаганды от имени султана-халифа усиливать эту враждебность, провоцируя волнения в стране.

В логике Оппенгейма пропаганда, какой бы успешной она ни была, не могла привести к общему восстанию в Египте, однако и наступление турецких войск на Суэцкий канал могло привести к восстанию в Египте только при проведении соответствующей пропагандистской работы среди населения. Само наступление османских войск рассматривалось им как важнейшая пропагандистская акция. «Если турецкие войска, возможно, во главе с хедивом и турецким верховным генералом, утверждал Оппенгейм, приблизятся к Суэцкому каналу, “священная война” разразится в стране Нила» [Erpenhans, S. 130].

Немецкое верховное командование, рассматривавшее Египет как одно из приоритетных направлений для наступления османских войск, полагало, что даже в случае неудачи османского наступления на Суэцкий канал созданная этим наступлением угроза Египту позволит блокировать там значительное число британских войск, которые, таким образом, не смогут быть переброшены в Европу. Кайзер и его военачальники надеялись, что такими дерзкими ударами по Антанте османы смогут воодушевить мусульман в Азии и Африке и те откликнутся на призыв к джихаду [Роган, с. 85].

Однако, несмотря на очевидную заинтересованность немцев в наступлении османских войск на Египет, это наступление нельзя рассматривать только в контексте выполнения «союзнических обязательств» Стамбула перед Берлином. У младотурок были свои планы в отношении Египта, которые не всегда согласовывались с Берлином, а нередко вступали в прямое противоречие с планами немцев.

Египет, формально остававшийся османской провинцией, с 1882 г. был оккупирован Великобританией. Хотя у Стамбула не было ресурсов для того, чтобы оказывать влияние на процессы, происходящие в Египте, египетский хедив назначался османским султаном и формально был подчинен ему. Между Стамбулом и Каиром сохранялись религиозные связи, а в египетском обществе — память об османском владычестве и османской мощи.

Ни одно османское правительство никогда не отказывалось от суверенитета над Египтом и прав, которые перечислялись в фирманах о введении в должность египетских хедивов [Ahmad, p. 71]. Поэтому вопреки их более поздним заявлениям, османские правители всерьез планировали захватить Египет, и план завоевания Египта был важным компонентом их политики джихада [Talha Çiçek, p. 40]. Назначенный командующим 4-й армии Джемаль-паша не только верил в возможность завоевания Египта, но и с первых же дней своего пребывания в Сирии направил всю свою энергию на организацию египетской экспедиции.

Несмотря на различие в подходах к египетской экспедиции в стратегических планах немцев и османов, важнейшим элементом, от которого зависел исход всей операции, и те и другие считали восстание египтян. 2 августа 1914 г. был подписан немецко-османский тайный договор. Спустя три дня начальник немецкого Генерального штаба Гельмут фон Мольтке дал указание Министерству иностранных дел «развязать» «исламский фанатизм» [Schwanitz]. С августа 1914 г. Германия и Османская империя начали отправлять пропагандистские материалы, агентов и деньги в колонии стран Антанты в Азии и Африке [Çabuk, s. 105].

Пропаганда джихада, организованная по указанию Джемаль-паши в Сирии для мобилизации арабских и турецких солдат оказалась достаточно эффективной. Однако организовать такую же пропаганду в закрытом британцами Египте было невозможно. В этой ситуации особое значение имели пропаганда и поиск союзников на территориях, граничивших с Египтом, в частности в Судане и Триполи. Поскольку колониальные державы подвергали цензуре новости обо всех действиях мусульман в Марокко, Триполи, Тунисе, Сомали, Судане, даже

османское правительство не могло знать о том, как мусульмане откликнулись на призыв к джихаду [Çabuk, s. 108].

Энвер-паша надеялся привлечь к джихаду султана Дарфура Али Динара. 3 февраля 1915 г. Энвер-паша направил Али Динару письмо, в котором призвал последнего присоединиться к джихаду, объявленному османским султаном-халифом [Ibid., s. 107]. Расчеты Энвер-паши оправдались — 22 апреля 1915 г. Али Динар объявил о своей полной независимости, отказавшись платить налоги британской колониальной администрации в Хартуме [Ibid.], и присоединился к османскому джихаду. Это был серьезный успех для османов и немцев — стратегия джихада начала приносить первые результаты.

Определенную опасность для британцев представляли и отряды суфийского ордена сенуситов² на западной границе Египта. Британцам удавалось какое-то время поддерживать мирные отношения с влиятельным главой этого ордена Сайидом Ахмадом аш-Шарифом ас-Санусси, но в конечном итоге последний встал на сторону османов.

В лице Сайида Ахмада британцы столкнулись с серьезным противником, тем более что он смог при османо-немецкой помощи значительно повысить боеспособность подчиненных ему племен (в марте 1915 г. в Ливию отправилась миссия из 20 османских офицеров во главе с Нури-беем, братом Энвер-паши [Роган, с. 182]).

В ситуации сохраняющейся угрозы османского наступления в направлении Суэцкого канала британцы не могли допустить разрастания антиколониальных движений в непосредственной близости от Египта. В начале марта 1916 г. англо-египетские войска перешли границу Дарфура и заняли целый ряд колодцев, лишая тем самым Али Динара возможности для наступления на Судан. Восстание Али Динара было подавлено британской колониальной администрацией в Судане при поддержке египетских колониальных сил, сам он 6 ноября 1916 г. погиб в битве при Джебель-и Джуба [Çabuk, s. 108].

Немцы надеялись получить максимальный пропагандистский эффект от выступления Али Динара. В немецкой радиотелеграмме, перехваченной британцами, сообщалось о том, что «имам Дарфура объявил священную войну против Англии. Имам с войсками и 8 000 верблюдов уже идет на восточный Судан. Он отбросил встретившиеся ему британские силы и полагает наступать в согласии с Сенусси. Сообщение о победе англичан над войсками Имама совершенно ложно. Английские силы в полном бегстве направляются к Нилу» [АВПРИ, ф. 151, оп. 488, д. 876, л. 250]. Британские власти опубликовали текст данной радиотелеграммы в египетских газетах в качестве «яркого примера германских вымыслов» [Там же].

Немцы и османы в течение всей войны должны были решать две задачи, свидетельствовавшие о структурных проблемах в немецкой и османской пропаганде, — получение актуальной информации о событиях в мусульманских

² О деятельности сенуситского религиозно-политического ордена см.: [Егорин, Миронова].

колониях стран Антанты и поиск путей распространения собственной пропаганды на этих территориях.

Отсутствие видимого эффекта от провозглашения джихада, затягивающаяся война и антигерманская пропаганда стран Антанты способствовали тому, что к осени 1914 г. произошло институциональное оформление немецкой пропагандистской деятельности на Востоке.

Возникшая в октябре 1914 г. по инициативе Оппенгейма «Служба информации по Востоку» должна была координировать и осуществлять немецкую военную пропаганду на Востоке. В «Арабской секции» Службы работали несколько египтян — преподаватель факультета восточных языков в Берлинском университете д-р Ахмад Вали, известный идеолог панисламизма Шейх Абд аль-Азиз Шавиш и радикальный националист, д-р Мухаммад Мансур Рифат [Lüdke, 2016, p. 84].

Хотя Оппенгейм задумал Службу как институт для сбора разведанных и использования этой информации в пропагандистских целях, второй вид деятельности все чаще становился для нее основным. Первую задачу постепенно взяли на себя национальные комитеты, с которыми Оппенгейм установил контакты с августа 1914 г. Первоначально они состояли из «Комитета независимости Индии» (Берлин) и «Молодых египтян» (Женева). Национальные комитеты, естественно, ставили свои собственные цели (прежде всего, достижение независимости своих стран) выше целей Германии или Османской империи [Ibid., p. 86].

Во многом благодаря усилиям немецких дипломатов к сентябрю 1914 г. возникает коалиция с участием османов, египетских националистов и бывшего хедива Аббаса II Хильми. Однако эта коалиция оказалась крайне хрупкой, а отношения ее участников всегда оставались напряженными по целому ряду причин (расходящиеся цели, взаимные претензии и борьба за лидерство, высокий уровень недоверия друг к другу).

Египетские националисты, с которыми контактировал Джемаль-паша, сообщили ему, что их народ будет помогать османским войскам всеми возможными способами, а также уверили его в том, что как только первый османский солдат появится перед каналом, весь Египет восстанет против Великобритании как один человек [Talha Çiçek, p. 43]. Джемаль-паша поручил Эшрефу Кушчубаши заниматься пропагандой с целью подстрекательства такого восстания [Ibid.].

Эшреф Кушчубаши принадлежал к организации Тешкилят и-Махсуса, которая возникла во время войны в Ливии и являлась «личной» спецслужбой Энвер-паши. Перед этой организацией была поставлена задача революционизирования исламских областей в сирийско-египетском пограничном районе и кавказском регионе [Oberhaus, 2006, S. 182]. Кроме того, по указанию Энвер-паши в военном министерстве был образован «центральный офис исламского движения», который должен был координировать проведение панисламских акций с немцами [Schwanitz]. Опыт партизанской войны, работы с арабскими племенами, полученный многими османскими офицерами в ходе войны в Триполи, теперь мог быть использован в ходе противостояния британцам в Египте. Уже в начале

сентября 1914 г. Энвер-паша, который участвовал в войне в Триполи, изложил Курту Прюферу — немецкому дипломату, прибывшему в Стамбул для организации разведывательной и пропагандистской службы на Ближнем Востоке, — план партизанской войны в Египте и принятые меры по его осуществлению. План предусматривал, в частности, атаки небольших групп во главе с турецкими или египетскими офицерами на военные посты, железные дороги, телеграфы и суда, а также распространение листовок [Prüfer, p. 17].

Хотя немецкая стратегия в отношении Египта не сильно отличалась от того, что предлагал Энвер, проблема заключалась в согласовании действий и осуществлении руководства — Энвер, готовый принимать помощь немцев и делиться информацией с ними, всегда стремился к тому, чтобы контроль за любой акцией находился в его руках. Немецкая стратегия исходила из необходимости совместных действий турок, египетских националистов и бывшего хедива Аббаса II Хильми под «верховным руководством» Берлина.

Османская пропаганда обращалась к панисламистскому дискурсу, представляя войну как джихад против неверных [Talha Çiçek, p. 50]. Османские соединения, посланные для вторжения в Египет, были изображены на почтовых марках как Исламская армия Египта, спаситель завоеванных земель [Aksakal, p. 473–474]. Важным элементом османской пропаганды являлась апелляция к образу халифа — символу, укорененному в историческом сознании мусульман.

Хотя египетские националисты, сотрудничавшие с немцами и османами, говорили о единстве египтян и их готовности вступить в борьбу с британцами, как только представится такая возможность, и то и другое являлось преувеличением. Между предполагаемым сочувствием египтян к Османской империи в войне с Антантой и действиями, направленными на ее поддержку, лежала большая дистанция. Панисламистский дискурс, который использовала османская пропаганда, сталкивался с дискурсами национализма. Право османского халифа говорить от имени всех мусульман (и объявлять джихад) оспаривалось другими мусульманскими лидерами, выступавшими с соответствующими фетвами (часто по настойчивой просьбе со стороны британцев, французов и русских). Хотя египетские националисты так же, как и младотурки, стремились использовать мобилизующий потенциал ислама, конечные цели тех и других не совпадали.

«Стратегия восстания», которую немцы попытались осуществить в отношении Египта, исходила из ряда предпосылок, которые редко подвергались сомнению, среди них — вера в возможность инструментализации джихада и ислама в целом, преувеличенные представления о единстве мусульман и однородности мусульманского мира (идеология панисламизма воспринималась как подтверждение этого единства); представления о глубокой религиозности всех мусульман (которая часто в восприятии европейцев была синонимом «фанатизма») и «воинственности» ислама. Однако по мере развертывания военных действий приходило осознание того, что идея о возможности с помощью относительно небольших усилий за пределами Европы повлиять на исход войны была ошибочной.

«Египет представляет собой сплошной военный лагерь»

Вступление Османской империи в войну, в которой Египет вместе с Великобританией оказался противником османов, создало множество правовых и политических коллизий, которые предстояло решить Лондону.

2 ноября 1914 г. командующий британскими войсками в Египте генерал Максвелл объявил осадное положение во всем Египте без ведома правительства Рушди паши, правившего страной в отсутствие хедива на правах регента. Поводом для этого шага стало не только вступление в войну Стамбула, но и нападение арабских отрядов под предводительством турецких и германских офицеров на город Эль-Ариш [Пуанкаре, с. 746].

18 декабря Британия объявила Египет своим протекторатом, на следующий день, 19 декабря, была издана прокламация, в которой объявлялось об отстранении от власти хедива Египта Аббаса II Хильми. Начавшаяся война дала британцам повод избавиться от амбициозного и непредсказуемого хедива, который назначался (пусть и формально) османским султаном. Поскольку в это время хедив находился в Стамбуле, британские власти запретили ему возвращаться в Египет. Хотя у Аббаса II Хильми были сложные отношения с младотурками, и они, и немцы понимали, что бывший хедив может быть ценным союзником в ходе осуществления «стратегии восстания».

Вместо отстраненного хедива на престоле был утвержден принц Гуссейн Кемаль, который получил титул султана. Таким образом, глава Египта не только больше не зависел от османского султана, но и формально становился на одну ступень с ним. Однако если источником легитимности власти хедива в глазах египтян являлась историческая традиция и османский султанат, пусть зависимость от последнего и была только символической, то власть нового египетского султана держалась только на силе британских штыков.

Уставшее от британской оккупации египетское общество с началом войны оказалось в еще более сложном положении — египетское правительство утратило последние признаки самостоятельности, произошло ужесточение колониального режима, а их страна оказалась втянута в войну, которую египтяне считали чужой.

В этих условиях многие египтяне связывали надежды на освобождение Египта с немцами и османами, однако никто из них не хотел немецкого Египта. Большинство египтян, хотя и желали избавиться от англичан, выступали против реинтеграции их страны в Османскую империю в качестве обычной провинции [Lüdke, 2016, p. 87]. Перспектива распространения войны на территорию Египта также пугала большую часть египтян.

Столкнувшись с объявленным халифом-султаном джихадом и пропагандой панисламизма, британцы предприняли собственные шаги, демонстрировавшие их уважение к исламу и мусульманам. В письме британского поверенного в делах Г. Мильн Читама к принцу Гуссейну с предложением ему трона давались заверения в том, что, несмотря на войну с Турцией, у Англии нет никаких

враждебных чувств к халифату и что религиозные верования египтян будут ею свято уважаться [АВПРИ, ф. 151, оп. 488, д. 876, л. 22–23].

Однако уже вскоре египетское правительство предприняло меры, кардинально изменившие существовавшую до разрыва с Турцией конструкцию судебно-религиозных учреждений. Вместо Главного кадия, который избирался в Константинополе шейх-уль-исламом Османской империи и назначался халифом, египетским правительством был назначен Главный муфтий.

После начала войны с Османской империей возникла необходимость и в изменении текста молитвы, произносимой в мечетях Египта. «До сих пор, — как писал российский посланник в Каире Смирнов³, — в молитве этой поминался султан Магомед Решад с пожеланием ему победы над врагами, а затем поминался халиф. Ныне решено было имя султана выпустить и молиться за халифа безыменно. После его должен был поминаться Султан Гуссейн. Само собою разумеется, что пришлось также пропустить и пожелание победы халифу» [Там же, л. 23]. Хотя инициатором этих изменений являлось египетское правительство, египтяне знали, кто стоит за его спиной.

Великобритания не могла допустить потери Египта и контроля над Суэцким каналом. Борьба за Египет, в которой помимо британцев, немцев и османов участвовало — на той или другой стороне — множество акторов, станет одним из самых напряженных и драматических событий войны на Ближнем Востоке.

Если существовало место, где система глобальных транспортных коммуникаций, поддерживавших существование Британской империи, была наиболее уязвима, то этим местом являлся Суэцкий канал, рассматривавшийся и британцами, и их противниками как ахиллесова пята Британской империи.

Для наступления на Египет османам требовалось собрать не только большую армию, но и провести ее через безводную Синайскую пустыню, однако сама угроза османского наступления заставляла британцев стягивать в Египет дополнительные силы и являлась фактором, повышавшим напряжение в стране.

Британцы знали о готовящемся наступлении турецких войск на Суэцкий канал, и предприняли целый ряд политических, полицейских и военных мер, направленных на защиту Египта и Суэцкого канала. Тем не менее, у Лондона были причины для беспокойства: главная из них состояла в отсутствии каких-либо гарантий того, что в условиях войны двенадцатимиллионное население Египта, большинство которого составляли мусульмане, сохранит лояльность британской власти.

В середине января 1915 г. османские экспедиционные силы начали движение в направлении Суэцкого канала. Хотя им удалось быстро и незаметно для британцев и французов пересечь Синайскую пустыню, попытка построить понтонный мост и перебросить войска через Суэцкий канал провалилась.

---

³ Алексей Александрович Смирнов (1857–1924) — востоковед и крупный дипломат, ставший последним царским посланником в Египте [Беляков, с. 64].

Столкнувшись с британскими силами и понеся потери, Джемаль-паша приказал своей армии вернуться в Сирию.

Столкновения между британскими и османскими войсками у Суэцкого канала вызывали разную реакцию в египетском обществе. Многие египтяне были убеждены, что результатом этих столкновений станет возвращение Египта под власть Порты. При этом бои у канала часто воспринимались египтянами в искаженной перспективе. «Хотя турецкие войска, — отмечал Смирнов, — вопреки распространившемуся в Каире полтора месяца тому назад среди арабов убеждению, не дошли до Каира и не прогнали англичан, всякое новое столкновение на канале, даже такое ничтожное, как происшедшее на днях около Эль-Кубра, снова будит уверенность в возобновлении турецкого владычества над Египтом» [АВПРИ, ф. 151, оп. 488, д. 876, л. 75].

Российский историк Б. Колоницкий, занимающийся изучением русской революции 1917 года, заметил, что очень важным фактором политической жизни России в предреволюционный период были слухи о заговорах: «Слухи о заговорах иногда бывают опаснее заговоров» [«Слухи о заговорах...», с. 20]. Конспирологическое сознание было широко распространено не только в предреволюционной России, но и в Египте, причем как среди британских властей, так и среди египтян.

Британцы контролировали газеты, вводя в стране строгую военную цензуру, однако в отсутствие газетных сообщений о происходящих событиях (и недоверия населения к ним) информационное пространство заполняли слухи, порой самые невероятные, распространение которых было очень сложно ограничить. Слухи являлись одной из форм коммуникации, значимость которой возрастает в условиях военного кризиса.

Большой резонанс в египетском общественном мнении вызвал процесс Морса — германского подданного, служившего в александрийской полиции. Он был арестован осенью 1914 г. по возвращении из Константинополя, где он находился во время летнего отпуска. «По указаниям Морса, — как сообщал Смирнов, — открыты были нити обширного заговора с организацией беспорядков и резни европейцев в Каире и Александрии. Были арестованы лица, близкие к Хедиву, а затем мало-помалу выяснилось участие и самого Аббаса-Хильми в этом заговоре» [АВПРИ, ф. 151, оп. 488, д. 876, л. 2975]. Дело Морса является достаточно показательным — оно демонстрирует, с одной стороны, попытки османов и немцев реализовать стратегию восстания внутри страны, а с другой — контраст между сложностью планируемой операции и ограниченностью используемых для ее реализации ресурсов. Вместе с тем это дело укрепило дискурс шпиономании и ощущение повсеместных заговоров, плетущихся немецкими и османскими агентами.

Внимание египтян было приковано к сражению в Дарданеллах, и британцы понимали, что от исхода этого сражения зависела и прочность их позиций в Египте. «Несомненно, взятие Дарданелл и падение Турции положат конец всем здешним внутренним смутам, — отмечал российский посланник

в Каире, — но до тех пор приходится жить под постоянным опасением каких-либо неожиданностей» [АВПРИ, ф. 151, оп. 488, д. 876, л. 3012].

Поражение британцев в Галлиполийском сражении не привело к каким-либо потрясениям в Египте, однако это поражение стало очень чувствительным в «битве за престиж», которую вели британцы. В ходе этого сражения в Египте было сосредоточено большое число раненых солдат. Для многих египтян это стало подтверждением их представлений о силе османов и немцев и слабости британцев.

Описывая реакцию египтян на то или иное событие, российский представитель в Каире выстраивал свой рассказ в парадигме нарастающей угрозы — «настроение мусульман становится все более тревожным»; «...до благоприятного поворота мировых событий всегда можно ожидать каких-либо неожиданных вспышек, вызванных германо-турецкими интригами». Иногда создается впечатление, что данные утверждения посла не столько фиксировали складывающуюся в стране ситуацию, сколько являлись самовоспроизводящимся дискурсом. Не только реальная угроза со стороны османов, но и часто «дискурс угрозы» и необходимость реагирования на нее объясняли многие действия британских властей в Египте.

В начале августа 1916 г., стремясь предотвратить начавшееся продвижение британских войск вглубь Синайского полуострова, османские силы под командованием полковника фон Крессенштейна сделали попытку нового наступления в направлении канала. Однако в битве при Романи османский экспедиционный корпус был разгромлен [Роган, с. 236]. После этого поражения 3,5 тысячи пленных османских солдат были проведены по улицам Каира. «Толпа их представляла довольно странное сборище; тут были и курды и албанцы, и ливанцы и кочевые арабы пустыни, хотя все-таки преобладающим элементом являлись турки из Анатолии. Одеты они также крайне пестро... Большинство взято с босыми ногами, многие больные и почти все крайне изнуренные и голодные» [АВПРИ, ф. 151, оп. 488, д. 876, л. 282]. Вид пленных, как сообщал Смирнов, произвел сильнейшее впечатление на жителей Каира.

Начавшееся в июне 1916 г. арабское восстание в Хиджазе не только еще больше осложнило положение османских сил на ближневосточном фронте, но и стало еще одним ударом по османской политике джихада. Османы и их немецкие союзники, терпевшие все более чувствительные военные поражения в противостоянии с британцами на Ближнем Востоке, должны были признать провал их «стратегии восстания».

Война стала катализатором целого спектра эмоций, страхов и надежд в египетском обществе. Осmano-немецкая пропаганда влияла на настроения египтян, однако эти настроения развивались в собственной динамике, и в гораздо большей степени их изменения зависели от успехов и неудач противостоящих сторон на различных театрах боевых действий. Индикатором настроений египтян были слухи, которые вряд ли можно рассматривать только как порождение немецкой и османской пропаганд — слухи и распространившаяся в Египте шпиономания являлись более сложным феноменом, который может быть понят только в контексте ситуации военного кризиса. Слухи выполняли множество разных

функций, одной из них, как представляется, была компенсаторная функция — египтяне, чувствовавшие свое бессилие перед военной мощью британского колониального режима, охотно поддерживали и распространяли представления о силе и непобедимости османских (и германских) войск, связывая с ними надежды на освобождение Египта.

Европейские политики, ориенталисты, дипломаты и военные во многом сами оказались заложниками того дискурса об исламе, который формировался ими в предшествующие десятилетия и нередко определял политическую практику и стратегии противостоящих сторон. Утвердившаяся в рамках этого дискурса идея о «фанатичности» мусульман легла в основу немецкого плана революционизирования мусульманского мира. Однако, как заметил исследователь Т. Людке, во время Первой мировой войны многие, если не большинство мусульман в Османской империи и за ее пределами осознавали, что это не их война: они боялись лишений и разрушительных последствий войны, считали ее совершенно ненужной и делали все возможное, чтобы сохранить свой нейтралитет. Таким образом, мусульмане были не «фанатичными массами», а скорее хладнокровно-прагматичными [Lüdke, 2016, p. 79]. Этот тезис в полной мере относится к египтянам, мечтавшим об освобождении Египта (возможно, при помощи османско-немецкого оружия), но не желавшим замены британского правления османским или немецким.

Союз Германии с Османской империей, провозглашение османского джихада, создание пропагандистской инфраструктуры и ведение пропаганды, отправка эмиссаров и даже приближение османских войск к Суэцкому каналу не только не привели к общему восстанию в Египте, но даже не вызвали там серьезных волнений. Восточная и египетская политика Германского рейха, лишенная смыслового ядра, погрузилась в глубокий кризис, из которого она не вышла до конца войны [Oberhaus, 2006, S. 197].

Источники

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 488. Д. 876 «Каир». Пуанкаре Р. На службе Франции 1914–1915. М. : АСТ, 2002.
Erpenhans T. Max von Oppenheim Geld darf keine Rolle spielen: II. Teil, Das Dokument // Archivum Ottomanicum. 2001. № 19. S. 121–163.
Prüfer C. German's covert war in the Middle East: espionage, propaganda and diplomacy in World / ed. and trans. by K. Morrow. London : I. B. Tauris, 2018.

Исследования

- Бартольд В. В. Халиф и султан // Бартольд В. В. Соч. М. : Наука, 1966. Т. VI. С. 15–78.
Беляков В. В. И это все о нем. Штрихи к портрету А. А. Смирнова // Восточный архив. 2009. № 1 (19). С. 64–65.
Васильев А. Д. Османская разведка и национально-освободительное движение в Индии в годы Первой мировой войны // Vitaleus : сб. ст. в честь юбилея В. И. Шеремета / [сост.: В. В. Беляков, Н. К. Чарыева]. М. : Ин-т востоковедения РАН : Изд. дом Марджани, 2010. С. 65–75.

- Егорин А. З., Миронова Г. В. Сенуситы в истории Ливии. М. : ИВ РАН, 2006.
- Панин С. Б. Германо-турецкая миссия в Афганистане в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 99–114.
- Роган Ю. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920. М. : Альпина нон-фикшн, 2018.
- «Слухи о заговорах опаснее заговоров» / Б. Колоницкий ; беседовала О. Филина // Огонек. 2016. № 29. С. 20–21.
- Ahmad F. The Dilemmas of Young Turk Policy, 1914–1918 // War and collapse: World War I and the Ottoman State / ed. by M. H Yavuz with F. Ahmad. Salt Lake City : The Univ. of Utah Press, 2016. P. 66–83.
- Aksakal M. The Ottoman Empire // The Cambridge History of the First World War / ed. by J. Winter. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2014. Ch. 17, p. 459–478.
- Caesar E. F. Great Breat, German and the Ottoman Caliphate // Der Islam. 1989. Vol. 66. No 2. S. 264–288.
- Çabuk M. Cihan Harbi'nde Sudan'daki Osmanlı Faaliyetleri ve Şeyhülislam'ın Cihat Mektubu // Türkiyat Mecmuası. 2017. С. 27/1. S. 101–120.
- Lüdke T. Jihad made in Germany. Ottoman and German propaganda and intelligence operations in the First World War. Berlin : Lit, 2005.
- Lüdke T. (Not) Using Political Islam. The German Empire and Its Failed Propaganda Campaign in the Near and Middle East, 1914–1918 and Beyond // Jihad and Islam in World War 1: Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's "Holy War Made in Germany" / ed. by E.-J. Zürcher. Leiden : Leiden Univ. Press, 2016. P. 71–94.
- McKale D. M. War by Revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in the Era of World War I. Kent : The Kent State Univ. Press, 2008.
- Oberhaus S. "Zum wilden Aufstande entflammen": Die deutsche Ägyptenpolitik 1914 bis 1918, Ein Beitrag zur Propagandageschichte des Ersten Weltkrieges : Inaugural-Dissertation. Düsseldorf, 2006.
- Oberhaus S. Des Kaisers Heiliger Krieg. Die deutsche Propagandastrategie im Orient während des Ersten Weltkrieges am Beispiel Ägypten // Journal for Intelligence, Propaganda and Security Studies. 2007. Vol. 1, No. 2/07. S. 1–20.
- Schwanitz W. G. Review of McKale, Donald M., War by Revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in the Era of World War I // H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. July, 2009. URL: <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=25400> (date of access: 21.06.2020).
- Talha Çiçek M. The Holy War in Syria: Cemal Pasha and the Ottoman Plan to conquer Egypt in the First World War // War & Society. 2016. Vol. 35, No. 1. P. 39–53.
- Woodward D. *Hell in the Holy Land: World War I in the Middle East*. Lexington : Univ. Press of Kentucky, 2006.
- Yenen A. Legacies of Jihad 100 Years after World War I // Gingko Library Blog, Nov. 14, 2014. URL: <https://edoc.unibas.ch/40784/> (date of access: 09.05.2019).

References

- Ahmad, F. (2016). The Dilemmas of Young Turk Policy, 1914–1918. In M. Yavuz & F. Ahmad (Eds.), *War and Collapse: World War I and the Ottoman State* (pp. 66–83). Salt Lake City: The University of Utah Press.
- Aksakal, M. (2014). The Ottoman Empire. In J. Winter (Ed.), *The Cambridge History of the First World War* (Ch. 17, pp. 459–478). Cambridge: Cambridge University Press.
- Bartold, V. V. (1966). Khalif i sultan [Caliph and Sultan]. In V. V. Bartold, *Sochineniia* [Compositions] (Vol. VI, pp. 15–78). Moscow: Nauka.
- Belyakov, V. V. (2009). I eto vse o nem. Shtrikhi k portretu A. A. Smirnova [And It Is All about Him. Strokes to the Portrait of A. A. Smirnov]. *Vostochnyi arkhiv*, 1 (19), 64–65.

- Çabuk, M. (2017). Cihan Harbi'nde Sudan'daki Osmanlı Faaliyetleri ve Şeyhülislam'ın Cihat Mektubu [Ottoman Activities in Sudan in the First World War and Shaikh al-Islam's Jihad Letter]. *Türkiyat Mecmuası*, 27/1, 101–120.
- Caesar, E. F. (1989). Great Britain, Germany and the Ottoman Caliphate. *Der Islam*, 66(2), 264–288.
- Egorin, A. Z., & Mironova, G. V. (2006). *Senusity v istorii Livii* [The Sanusi in the History of Libya]. Moscow: Institute of Oriental Studies.
- Kolonitsky, B. (2016, July 25). “Slukhi o zagovorakh opasnee zagovorov”. Besedovala Ol'ga Filina [“Rumours of Conspiracies are More Dangerous than Conspiracies.” Interview by Olga Filina]. *Ogonek*, 29, 20–21.
- Lüdke, T. (2005). *Jihad Made in Germany. Ottoman and German Propaganda and Intelligence Operations in the First World War*. Berlin: Lit.
- Lüdke, T. (2016). (Not) Using Political Islam. The German Empire and Its Failed Propaganda Campaign in the Near and Middle East, 1914–1918 and Beyond. In E.-J. Zürcher (Eds.), *Jihad and Islam in World War I: Studies on the Ottoman Jihad on the Centenary of Snouck Hurgronje's “Holy War Made in Germany”* (pp. 71–94). Leiden: Leiden University Press.
- McKale, D. M. (2008). *War by Revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in the Era of World War I*. Kent: The Kent State University Press.
- Oberhaus, S. (2006). “Zum wilden Aufstande entflammen”: Die deutsche Ägyptenpolitik 1914 bis 1918, Ein Beitrag zur Propagandageschichte des Ersten Weltkrieges (doctoral dissertation). Düsseldorf.
- Oberhaus, S. (2007). Des Kaisers Heiliger Krieg. Die deutsche Propagandastrategie im Orient während des Ersten Weltkrieges am Beispiel Ägypten. *Journal for Intelligence, Propaganda and Security Studies*, 1(2/07), 1–20.
- Panin, S. B. (2013). Germano-turetskaia missiia v Afganistane v gody pervoi mirovoi voiny [The German-Turkish Mission in Afghanistan during the First World War]. *Voprosy istorii*, 10, 99–114.
- Rogan, E. (2018). *Padenie Osmanskoi imperii: Pervaia mirovaia voina na Blizhnem Vostoke, 1914–1920* [The Great War in the Middle East, 1914–1920]. Moscow: Alpina non-fiction.
- Schwanitz, W. G. (2009, July). Review of McKale, Donald M., War by Revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in the Era of World War I. In *H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews*. Retrieved from <https://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=25400>
- Talha Çiçek, M. (2016). The Holy War in Syria: Cemal Pasha and the Ottoman Plan to Conquer Egypt in the First World War. *War & Society*, 35(1), 39–53.
- Vasilyev, A. D. (2010). Osmanskaia razvedka i natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Indii v gody Pervoi mirovoi voiny [The Ottoman Intelligence and the National Liberation Movement in India during the First World War]. In V. V. Belyakov, & N. K. Charyeva (Comp.), *Vitaleus. Sbornik statei v chest' iubileia V. I. Sheremeta* [Collection of Articles in Honour of V. I. Sheremet's Birthday] (pp. 65–75). Moscow: Institute of Oriental Studies; Mardzhani Publishing House.
- Woodward, D. (2006). *Hell in the Holy Land: World War I in the Middle East*. Lexington: University Press of Kentucky.
- Yenen, A. (2014, November 14). Legacies of Jihad 100 Years after World War I. In *Gingko Library Blog*. Retrieved from <https://edoc.unibas.ch/40784/>

Шерстюков Сергей Андреевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры востоковедения
Алтайский государственный университет
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: shers-serg@yandex.ru

Sherstyukov, Sergey Andreevich

PhD (History), Associate Professor
Oriental Department
Altai State University
66, Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russia
Email: shers-serg@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1392-2595
ResearcherID: Q-6759-2017